

Анна Гавальда

m'attende quelque part

Je voudrais que quelqu'un

Anna Gavalda

Мне бы хотелось, чтобы
меня кто-нибудь
где-нибудь ждал...

Анна Гавальда

**Мне бы хотелось, чтобы
меня кто-нибудь где-
нибудь ждал... (сборник)**

«АСТ»

Гавальда А.

Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...
(сборник) / А. Гавальда — «АСТ»,

Анна Гавальда – одна из самых читаемых авторов мира. Ее называют «звездой французской словесности», «новой Франсуазой Саган», «нежным Уэльбеком», «литературным феноменом» и «главной французской сенсацией». Ее книги, покорившие миллионы читателей по всему миру, переводятся на десятки языков, отмечены целым созвездием премий, по ним ставят спектакли и снимают фильмы. Жесткие, ироничные, трогательные и смешные рассказы о самой обыкновенной жизни, за внешней прозаичностью которой скрыты несметные сокровища потаенных желаний, страхов, грез и обид, а главное – любви в самых разных ее проявлениях.

Содержание

Некоторые особенности Сен-Жермен	5
Тест	11
Этот мужчина и эта женщина	17
«Опель»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анна Гавальда

Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...

Моей сестре Марианне

Некоторые особенности Сен-Жермен

СЕН-ЖЕРМЕН-ДЕ-ПРЕ?... Знаю, знаю, вы скажете: «Боже мой, как банально, милочка, Саган об этом написала задолго до тебя и горрраздо лучше!»

Знаю.

Но вы как хотите... а я не уверена, что все это могло бы случиться со мной, скажем, на бульваре Клиши. Что тут поделаешь, такова жизнь.

И оставьте ваши замечания при себе, лучше послушайте, потому что, сдастся мне, эта история придется вам по вкусу.

Вы ведь обожаете такие вещи. Обожают, когда вам щекочут сердечко, хлебом вас не корми, дай почитать про многообещающие свидания и про мужчин – разумеется, неженатых и не вполне счастливых в личной жизни.

Я знаю, что вы это обожаете. И это нормально: вы же не можете читать дешевые любовные романы за столиком в «Липп» или «Де-Маго»¹. Конечно, не можете.

Так вот, сегодня утром на бульваре Сен-Жермен я встретила мужчину.

Я шла вверх по бульвару, он – вниз. Мы были на четной, более фешенебельной стороне.

Я заметила его издали. Не знаю, может, из-за походки, чуть небрежной, или потому, что полы его пальто уж очень красиво развевались... Короче, на расстоянии в двадцать метров я уже знала, что не упущу его.

Так оно и вышло: мы поравнялись, и я вижу – он на меня смотрит. Выдаю ему кокетливую улыбку типа «стрела Амура», но весьма сдержанно.

Он тоже мне улыбается.

Я иду своей дорогой и продолжаю улыбаться, на ум приходит «Прохожая» Бодлера (ну да, а только что была Саган, вы уже поняли, с литературными референциями у меня все в порядке!!!). Я замедляю шаг, потому что пытаюсь вспомнить... «*Средь уличного гула, в глухом трауре, прекрасна и бледна*»... дальше не помню... дальше... «*Само изящество, она в толпе мелькнула*»... а в конце... «*Но я б тебя любил – мы оба это знали*»².

Каждый раз эти слова меня поражают.

Так вот, иду себе как ни в чем не бывало, а сама чувствую взгляд моего святого Себастьяна (это к стреле, вот так, главное последовательность, верно?!), все время чувствую его спиной. Он приятно греет лопатки, но я скорее умру, чем обернусь, не хватало еще испортить стихотворение.

Я остановилась на краю тротуара, не доходя улицы Сен-Пер, и всматриваюсь в поток машин, чтобы перебежать на другую сторону.

¹ Дорогие рестораны в фешенебельном квартале Парижа Сен-Жермен-де-Пре. – Здесь и далее примеч. пер.

² Перевод В. Левика.

Поясняю: ни одна уважающая себя парижанка на бульваре Сен-Жермен не станет переходить проезжую часть по белой «зебре» на зеленый свет. Уважающая себя парижанка дожидется плотного потока машин и ринется напрямик, зная, что рискует.

Смерть ради витрины бутика «Поль Ка». Восхитительно.

И вот когда я наконец кидаюсь напрямик, меня останавливает чей-то голос. Вы ждали, что я скажу «теплый и мужественный голос», чтобы доставить вам удовольствие? Нет, это был просто голос.

– Простите.

Я оборачиваюсь. О, и кого же я вижу?.. Передо мной все тот же прекрасный незнакомец. Поймался-таки.

Лучше сказать вам сразу: с этой минуты дела Бодлера плохи.

– Я хотел спросить, не согласитесь ли вы поужинать со мной сегодня.

В голове проносится: «Как романтично.», но вслух отвечаю:

– А вы не слишком торопитесь?

Он за словом в карман не лезет и говорит мне, уж поверьте, цитирую:

– Вы правы. Но, глядя, как вы удаляетесь, я сказал себе: как глупо, я встретил на улице женщину, улыбнулся ей, она улыбнулась мне, мы прошли так близко друг от друга и больше никогда не увидимся... Это ведь слишком глупо, нет, в самом деле, просто абсурд какой-то.

– А вы как думаете? По-вашему, я несу полную чушь?

– Нет-нет, что вы.

Вообще-то, мне становится чуточку не по себе...

– Ну?.. Так что вы скажете? Здесь, сегодня вечером, в девять часов, на этом же месте?

Возьми себя в руки, детка, если будешь ужинать со всеми мужчинами, которым улыбаешься, всю жизнь проторчишь в кабаках.

– Назовите мне хоть одну причину, чтобы я приняла ваше приглашение.

– Причину?.. Боже... вот задачка-то...

Я смотрю на него – ситуация начинает меня забавлять.

А потом вдруг – предупреждать надо! – он берет меня за руку.

– Кажется, я нашел более-менее приемлемую причину.

Он прикладывает мою руку к своей небритой щеке.

– Причина есть. Вот она: скажите «да», и у меня будет повод побриться. Честно говоря, я и сам думаю, что гораздо лучше выгляжу, когда выбрит.

И он возвращает мне мою руку.

– Да, – говорю я.

– Вот и славно! Перейдем вместе, прошу вас, мне бы не хотелось потерять вас теперь.

На этот раз я смотрю ему в спину, а он удаляется в другую сторону. Наверно, радостно потирает щеки и думает, что заключил недурную сделку.

Уверена, он безумно доволен собой. И он прав.

Должна признаться, к концу дня у меня немножко сдают нервы.

Вот ведь придумала на свою голову, теперь не знаю, как мне одеться. По погоде напращивается плащ.

Немножко нервничаю, словно дебютантка, уверенная в том, что у нее ужасная прическа.

Немножко нервничаю, словно в преддверии романа.

Работаю: говорю по телефону, посылаю факсы, заканчиваю макет для иллюстратора (постойте, ну конечно же... Если эта бойкая очаровательная девушка отправляет факсы где-то на бульваре Сен-Жермен, она работает, конечно же, в издательстве³).

Кончики пальцев у меня ледяные, и я не сразу понимаю, когда ко мне обращаются. Дыши глубже, детка, дыши глубже.

Смеркается, бульвар притих, машин совсем мало.

В кафе убирают с улицы столики, люди поджидают друг друга на паперти церкви Сен-Жермен или стоят в очереди в кинотеатр «Борегар» на новый фильм Вуди Аллена.

Я, понятное дело, не могу прийти первой. Ни за что. Я даже слегка опоздаю. Долгожданная – более желанная. Пусть чуточку помучается, так будет лучше.

Пойду покамест чего-нибудь выпью для поднятия духа и сугрева крови в пальцах.

Нет, только не в «Де-Маго», здесь по вечерам всегда как-то пошло: сплошные жирные американки, жаждущие вкусить духа Симоны де Бовуар. Я отправляюсь на улицу Сен-Бенуа. «Чикито» – то, что нужно.

Толкаю дверь, и сразу – запах пива и табачного дыма, звяканье игрового автомата, за стойкой важно восседает хозяйка, крашеная, в нейлоновой блузке, сквозь которую виден бюст-галтер, напоминающий средневековые латы; фоном – комментарий вечерних бегов в Венсенне; двое-трое рабочих в заляпанных комбинезонах оттягивают час одиночества, а может, встречи с благоверной, да старики-завсегдатаи с желтыми пальцами, которые достают всех подряд со своими разговорами о квартплате послевоенных времен. Вот оно – счастье.

Мужчины у стойки время от времени оборачиваются и прыскают со смеху, как школьники. Мои ноги идут по проходу, и они очень длинные. Проход довольно узкий, а на мне очень короткая юбка. Я вижу, как их ссутуленные спины содрогаются от хохота.

Я курю сигарету, пуская дым далеко перед собой. Смотрю в никуда. Теперь я знаю, что Beautiful Day, на которого ставили один к десяти, на голову обошел соперников на последней прямой перед финишем.

Я вспоминаю, что в сумочке лежит роман «Кеннеди и я», и думаю, не лучше ли мне будет остаться здесь.

Заказать солонину с чечевицей и полграфинчика розового вина. Как мне будет хорошо.

Но я беру себя в руки. А как же вы – ведь вы вместе со мной надеетесь, что будет любовь (или меньше? или больше? или не то чтобы?), так неужели я на самом интересном месте оставляю вас с хозяйкой «Чикито»? Это было бы бесчеловечно.

Я выхожу на улицу с порозовевшими щеками, и холод хлещет меня по ногам.

Он уже там, на углу улицы Сен-Пер, он ждет меня, видит меня, идет ко мне.

– Я испугался. Думал, вы не придете. Увидел свое отражение в витрине, полюбовался на свои щеки – смотрите, какие гладкие! – и испугался.

– Извините, мне очень жаль. Я ждала результатов вечернего заезда в Венсенне и не заметила, как прошло время.

– А кто победил?

– Вы играете?

– Нет.

– Победил *Beautiful Day*.

³ В квартале Сен-Жермен-де-Пре находятся крупнейшие парижские издательства.

– Ну конечно, я так и думал, – улыбается он и берет меня под руку.

До улицы Сен-Жак мы идем молча. Время от времени он посматривает на меня украдкой, словно изучая мой профиль, но я-то знаю, что в эти минуты его больше интересует, что на мне надето – колготки или чулки?

Терпение, дружок, терпение.

– Я поведу вас в одно местечко, которое очень люблю.

Могу себе представить... слегка развязные, но услужливые официанты понимающе улыбаются ему: «Здравсствуйте, мсье... (это, стало быть, новенькая... брюнетка в прошлый раз мне больше понравилась...)» – и рассыпаются подобострастно: «Столик на двоих в уголке, как обычно, мсье? (да где он их только берет?..) Пальто оставите? Прекрассно». На улице он их берет, дурья твоя башка.

А вот и ничего подобного.

Он пропустил меня вперед, придерживая дверь маленького винного погребка, и у нас только спросили, курим ли мы. Все.

Он повесил наши вещи на вешалку и замер на мгновение при виде плавной линии моего декольте – в эту секунду я поняла, что он ничуть не жалеет о свежей ранке под подбородком, результате сегодняшнего бритья, когда руки его плохо слушались.

Мы пили потрясающее вино из больших пузатых бокалов. Мы ели изысканные блюда, подобранные так, чтобы не перебивать букеты наших дивных нектаров.

Бутылка «Кот-де-Нюи», «Жевре-Шамбертен» 1986 года. Малютка Иисус в бархатных штанишках.

Мужчина напротив меня пьет, щуря глаза. Я уже немножко знаю его.

На нем серая кашемировая водолазка. Старенькая водолазка. Заплатки на локтях и дырочка у правого запястья. Наверно, подаренная на двадцатилетие. Так и вижу, как его мамочка, расстроенная его не сильно довольным видом, говорит: «Вот увидишь, сколько раз еще меня потом вспомнишь и спасибо скажешь» – и, приобняв, целует сына.

Пиджак совсем скромный, с виду самый обыкновенный твидовый пиджак, но у меня-то глаз-алмаз, и я вижу, что этот пиджак сшит на заказ. У «Old England», когда товар поступает напрямую из ателье с бульвара Капуцинок, этикетки немного шире, а этикетку я успела разглядеть, когда он нагнулся поднять салфетку.

Салфетку-то, насколько я понимаю, он уронил нарочно, чтобы выяснить наконец вопрос с чулками и не мучиться.

Он говорит о разных разностях, но ничего о себе. И всякий раз теряет нить своего рассказа, когда я задерживаю руку у себя на шее. Он спрашивает: «А вы?» – и я тоже ничего не говорю ему о себе.

Когда мы ждем десерта, моя шаловливая ножка прижимается к его ноге.

Он накрывает мою ладонь своей, но тут же убирает руку, потому что приносят мороженое.

Он что-то говорит, но слова едва шелестят, и я ничего не слышу.

Мы оба взволнованы.

И тут – о, ужас! У него звонит мобильник.

Как по команде весь ресторан уставился на него, поспешно отключающего телефон. Он наверняка многим испортил вкус замечательного вина. Так и подавиться недолго. Вокруг кашляют, пальцы судорожно сжимают ручки ножей или складки накрахмаленных салфеток.

Чертовы штуки, всегда хоть одна да задрезжит, где угодно, когда угодно.

Хамство.

Он смущен. Ему вдруг, кажется, стало жарко в мамином кашемире.

Он виновато кивает соседям, давая понять, как ему неловко. Смотрит на меня, слегка ссутулив плечи.

– Простите, мне так жаль. – Он улыбается мне, но уже не так напористо.

– Ничего страшного. Мы же не в кино. В один прекрасный день я кого-нибудь убью. Кого-нибудь, кто ответит на звонок в кино во время сеанса. Когда прочтете об этом в криминальной хронике, знайте, что это была я.

– Учту.

– Вы читаете криминальную хронику?

– Нет, но теперь буду, раз есть шанс прочесть там о вас.

Мороженое было, как бы это сказать, изумительное.

Заметно взбодрившись, мой прекрасный принц, когда подали кофе, пересел поближе ко мне.

Так близко, что теперь он знает точно: на мне чулки. Он почувствовал маленькую застежку у бедра.

А я знаю, что в эту минуту он не помнит, где живет.

Он приподнимает мои волосы и целует сзади в шею, в ямку на затылке.

Он шепчет мне на ухо, что обожает бульвар Сен-Жермен, обожает бургундское вино и черносмородиновое мороженое.

Я целую тот самый порез. Весь вечер я мечтала об этом и теперь отвожу душу.

Кофе, счет, чаевые, наши пальто – все это мелочи, мелочи, мелочи. Мы вязнем в мелочах. Наши груди разрывает от волнения.

Он подает мне мой черный плащ и тут...

Отдаю должное мастерству – вот это артист, браво! Очень ловко, почти незаметно, точно рассчитано и классно проделано! – опуская его на мои обнаженные плечи, беззащитные и нежные как шелк, он нашел-таки необходимые полсекунды и идеальный угол наклона головы к внутреннему карману пиджака, чтобы взглянуть на дисплей своего мобильного.

Я прихожу в себя. Мгновенно.

Предатель.

Неблагодарная скотина.

Что же ты наделал, идиот?

О чем ты думал, когда мои плечи были такие округлые, такие теплые, а твоя рука так близко?!

Какие дела оказались для тебя важнее, чем моя грудь, открытая твоему взгляду?

На что ты отвлекся, когда я должна была ощутить твое дыхание на своей спине?

Неужели твоя чертова штуковина не могла подождать? Возился бы с ней потом, после того как у тебя все произойдет со мной!

Я застегиваю плащ до самого верха.

На улице холодно, я устала, и меня подташнивает.

Я прошу его проводить меня до ближайшей стоянки такси.

Он в панике.

Вызывай службу спасения, приятель, телефон у тебя есть.

Но нет. Он не дрогнул.

Как будто так и надо. Вроде как мы провожаем добрую знакомую до такси, растираем ей плечи, чтобы согреть, и разглагольствуем о парижской ночи.

Он держит марку почти до конца – что есть, то есть.

Но прежде, чем я сажусь в такси, черный «мерседес» с номерами департамента Валь-де-Марн, он говорит:

– Но мы ведь еще увидимся, правда? Я даже не знаю, где вы живете. Оставьте мне хоть что-нибудь, адрес, телефон.

Он вырывает листок из блокнота и торопливо пишет цифры.

– Вот. Первый номер – домашний, второй – моего мобильного, по нему вы можете звонить мне в любое время.

Это я уже поняла.

– Только не стесняйтесь, в любое время, хорошо?.. Я буду ждать.

Я прошу шофера высадить меня в конце бульвара, мне надо пройтись.

Я иду и поддаю ногами несуществующие консервные банки.

Ненавижу мобильные телефоны, ненавижу Саган, ненавижу Бодлера и всех прочих шарлатанов. Ненавижу свою гордыню.

Тест

Какой же душой становится женщина, когда хочет ребенка! Какие же все бабы дуры. Стоит ей узнать, что она беременна, и готово дело, открываются шлюзы: любовь, любовь, любовь.

И все, больше ее не заткнешь.

Дуры.

Она – как все. Думает, что беременна. Ей так кажется. Это возможно. Не то чтобы совсем наверняка, но почти.

Она выжидает еще несколько дней. Мало ли что.

Тест на беременность стоит в аптеке 59 франков. Она это знает. Помнит по первому ребенку.

Она говорит себе: подожду еще два дня и сделаю анализ.

Конечно, она не выдерживает. Думает: ну что такое 59 франков, если, может быть, может быть – я беременна? Что такое 59 франков, если через две минуты я буду все знать точно?

59 франков, чтобы открыть наконец шлюзы, а то ведь так можно и лопнуть, там, внутри, все кипит-бурлит, даже живот немножко ноет.

Она бежит в аптеку. Не в ту, куда ходит обычно, – в другую, подальше от дома, где ее не знают. Входит, такая вся из себя равнодушная: «Тест на беременность, пожалуйста», а сердце бьется сильно-сильно.

Она возвращается домой. Она не спешит. Она растягивает удовольствие. Вот он, тест, в ее сумочке, на тумбочке в прихожей, а она суетится по дому. Она пока еще хозяйка положения. Складывает белье. Идет в садик за ребенком. Болтает с другими мамашами. Смеется. У нее хорошее настроение.

Она готовит полдник. Намазывает масло на тосты. Старательно. Слизирует варенье с ложки. Не может удержаться и целует своего сынишку. Куда попало. В шейку. В щечки. В макушку.

Он говорит: «Хватит, мама,пусти».

Она сажает его перед ящиком с «Лего», а сама все никак не может отойти и мешает ему играть.

Потом спускается по лестнице. Старается не замечать свою сумочку, но не получается. Она останавливается. Достает тест.

Она нервничает, открывая коробочку. Раздирает упаковку зубами. Инструкцию она прочтет потом. Сначала надо пописать на эту штуку. Закрыть ее колпачком, как шариковую ручку. Она держит это в руке, тепленькое.

Потом кладет куда-то.

Читает инструкцию. Подождать четыре минуты и проверить контрольные квадратики. Если оба квадратика порозовели, это значит, в вашей моче, мадам, много ХГГ (хорионического гонадотропного гормона), если оба квадратика порозовели, это значит, что вы, мадам, беременны.

Четыре минуты – как долго! Ладно, пока можно выпить чаю.

Она ставит кухонный таймер на яйцо «в мешочке». Четыре минуты... вот.

Не надо трогать тест. Она обжигает губы горячим чаем.

Заглядывает в полупустой холодильник и размышляет, что бы приготовить на ужин.

Четыре минуты она не выдерживает, да это и ни к чему. Результат уже есть. Беременна.

Она так и знала.

Трубочку она бросает на самое дно мусорного ведра. Хорошенько прикрывает сверху консервными банками и пакетами. Пока это будет ее секрет.

Ну вот, теперь ей легче.

Она делает глубокий вдох полной грудью. Она так и знала.

Это уж просто для очистки совести. Все, шлюзы открыты. Теперь можно подумать о чем-нибудь другом.

Ни о чем другом она больше думать не будет.

Присмотритесь как-нибудь к беременной женщине: вам кажется, что она переходит улицу, или работает, или даже говорит с вами. Ничего подобного. Она думает о своем ребенке.

Она не признается в этом, но ни одной минуты не проходит за все девять месяцев, чтобы она не думала о ребенке.

Да, она вас слушает, но почти не слышит. Она кивает, но на самом деле ей все равно.

Она представляет себе, какой он. Пять миллиметров: с пшеничное зернышко. Один сантиметр: с ракушку. Пять сантиметров: с этот вот ластик на ее письменном столе. Двадцать сантиметров к пятому месяцу: с ее раскрытую ладонь.

Еще ничего не заметно. Совершенно ничего, но она то и дело трогает свой живот.

Да нет, не свой живот она трогает, а его. Точно так же она гладит по голове своего старшего. Это то же самое.

Она сказала мужу. Продумывала, как преподнести ему новость. Разыгрывала в уме целый спектакль, искала особенный голос, бейте-барабаны-плачьте-скрипки... А потом махнула рукой.

Она сказала ему ночью, в темноте, когда они переплелись ногами, но просто чтобы уснуть. «Я беременна», – сказала она, и муж поцеловал ее в ухо. «Вот и хорошо», – ответил он.

И сыну она тоже сказала: «Знаешь, у мамы в животе ребеночек. У тебя родится братик или сестричка, как у мамы Пьера. И ты сможешь катать колясочку, как Пьер».

Сынишка приподнял ее свитер и спросил: «А где же он? Где ребеночек?»

Она разыскала на полках книжку Лоранс Перну «Я жду ребенка». Весьма потрепанный томик, который уже успел послужить и ей, и ее невестке, и еще одной подруге.

Первым делом она откроет его на середине, где фотографии.

Глава называется «Жизнь до рождения» – от «яйцеклетки в окружении сперматозоидов» и до «шесть месяцев: он сосет палец».

Она долго рассматривает малюсенькие ручки с просвечивающими жилками и бровки – на некоторых снимках уже видны бровки.

Потом она сразу переходит к главе «Когда мне рожать?». Там есть таблица, по которой можно вычислить срок с точностью до дня («черные цифры: дата начала последней менструации, красные цифры: вероятная дата родов»).

Так, значит, малыш родится 29 ноября. И что у нас 29 ноября? Она поднимает глаза и упирается взглядом в календарь на стене рядом с микроволновкой. 29 ноября... Святой Сатюрнен.

Сатюрнен – этого только не хватало! – думает она и улыбается.

Кладет куда-то книгу и забывает о ней. Вряд ли откроет ее еще раз. Потому что все остальное: как питаться, пигментные пятна, растяжки, половая жизнь, будет ли ваш ребенок нормальным, подготовка к родам, правда о боли и прочее, все это ее не волнует, просто неинтересно. Природа лучше знает.

Она спит на ходу и ест большие соленые огурцы а-ля рюс за завтраком, обедом и ужином.

В конце третьего месяца следует в первый раз показаться гинекологу. Сдать анализы, оформить страховку и уведомление о беременности для работодателя.

Она идет туда в обеденный перерыв. Волнуется, но виду не подает.

Врач тот же, что помог родиться ее первому ребенку.

Они болтают о том о сем: как ваш муж, как работа? А ваша диссертация, продвигается? А как ваши дети, учатся? А эта школа, по-вашему, как?..

Рядом со смотровым столом стоит аппарат УЗИ. Она ложится. Экран еще не включен, но она не может отвести от него глаз.

Первым делом врач дает ей послушать удары невидимого сердца.

Звук отрегулирован так, что слышно на весь кабинет: Бум-бум-бум-бум-бум-бум.

И у нее, как у полной идиотки, глаза уже на мокром месте.

А потом он показывает ей ребенка.

Крошечный человечек шевелит ручками и ножками. Десять сантиметров, сорок пять граммов. Хорошо виден позвоночник, можно даже пересчитать позвонки.

Рот у нее, наверно, широко раскрыт, но она не произносит ни звука.

Доктор усмехается. «Ха, – говорит он, – известное дело, от этого и самые болтливые немеют».

Пока она одевается, он заполняет карту, вкладывает туда снимки, которые уже выдал аппарат. Она сядет в машину и не сразу тронется – будет, затаив дыхание, долго разглядывать эти снимки, пока не выучит их наизусть.

Прошли недели, и живот у нее вырос. Грудь тоже. Теперь она носит 95С. Немыслимо.

Она пошла в магазин для будущих мам купить себе одежду. И тут благоразумие ей изменило. Она выбрала платье – очень красивое и довольно дорогое – к свадьбе двоюродной сестры, намеченной на конец августа. Льняное платье с перламутровыми пуговками по всей длине. Она долго колебалась, потому что не уверена, что будет рожать еще, а так получается дорого-вато, конечно...

Она стоит в примерочной и ломает голову, путаясь в подсчетах. Когда она выходит с платьем в руках и сомнением на лице, продавщица говорит ей: «Доставьте же себе удовольствие! Да, вы будете носить его недолго, ну и что, зато сколько радости. И вообще, беременная женщина не должна ни в чем себе отказывать». Это было сказано шутливым тоном, но все равно, какая хорошая продавщица.

Это она думает уже на улице, неся в руке большой пакет со своим «безрассудством». Ей очень хочется писать. Все правильно.

И вообще, эта свадьба много для нее значит, потому что ее сын будет в свите невесты. Конечно, это глупость, но ей безумно приятно.

А вот и еще один повод для мучительных сомнений: пол ребенка.

Спросить – не спросить, узнавать или не узнавать заранее: мальчик или девочка?

Ведь приближается пятый месяц, а с ним и второй ультразвук, когда уже все будет видно.

У себя на работе она сталкивается с массой более сложных проблем и должна принимать ответственные решения каждую минуту. Принимает, куда деваться. Ей за это платят.

Но тут... она не знает.

Когда ждала первого, спросила, хотелось знать, ладно. Но теперь ей настолько все равно, будет ли это мальчик или девочка, абсолютно все равно.

Решено, она не хочет знать.

«Вы уверены?» – переспрашивает врач. Она уже не уверена. «Вот что, я вам ничего не скажу, посмотрим, может, разглядите что-нибудь сами».

Он медленно водит датчиком по ее вымазанному гелем животу. Где-то останавливается, записывает, поясняет, а где-то чиркает быстро и улыбается, наконец говорит: «Все, можете одеваться».

«Ну?» – спрашивает он.

Она кое-что заметила, но не уверена. «И что же вы заметили?» Ну, в общем-то, она, кажется, видела, что он мальчик, верно?..

«А-а, не знаю, не знаю», – смеется доктор и прямо облизывается от удовольствия. Ей хочется вцепиться в воротник его халата и потряхнуть хорошенько, чтобы сказал. Но нет. Пусть это будет сюрприз.

Летом с большим животом жарко. А уж по ночам... Спит плохо, как ни повернись, неудобно. Ничего, потерпим.

Времени до свадьбы остается все меньше. Вся семья в напряжении. Она говорит, что возьмет на себя букеты. Самое милое дело при ее слоновьих габаритах. Ее посадят посреди комнаты, мальчики будут приносить, что потребуется, и она украсит все, что только можно.

А пока она бежит по обувным магазинам, ищет «белые закрытые сандалии». Невеста хочет, чтобы вся свита была обута одинаково. Вот ведь додумалась. Попробуй найди белые сандалии в конце августа. «Мадам, ведь скоро начало учебного года». Наконец хоть какие-то удалось отыскать, правда, страшненькие и на размер больше.

Она смотрит на своего уже совсем большого малыша, а он красуется перед магазинными зеркалами – деревянный меч на поясе шортиков, новые ботинки на ногах. Для него это межгалактические сапоги-скороходы с лазерными застежками, слепому ясно. Какой же он чудесный, даже в этих жутких сандалиях.

И вдруг ее кто-то сильно толкает в живот. Изнутри.

Она и раньше чувствовала там толчки, движения, но вот чтобы так отчетливо – это впервые.

– ...Мадам? Мадам?.. Вам показать что-нибудь еще?..

– Нет-нет, все, извините, пожалуйста.

– Ну что вы, мадам. Хочешь шарик, зайчика?

По воскресеньям ее муж занят делом. Он обустривает комнатку, где раньше у них хранилось белье. Часто просит брата приехать помочь. Она закупила побольше пива и то и дело прикидывает на малыша, чтобы тот не путался у них под ногами.

Перед сном она листает журналы по дизайну, ищет в них интересные идеи. Времени достаточно.

Они не обсуждают, как назовут ребенка, потому что имена им нравятся разные и оба знают, что последнее слово все равно останется за ней... так что какой смысл?

В четверг, 20 августа, ей надо идти на очередной осмотр – шесть месяцев. О господи, сколько можно!

Момент действительно не самый подходящий, подготовка к празднеству идет вовсю. Как нарочно, сегодня утром жених с невестой съездили в Ранжи и привезли горы цветов. Едва уместились в две ванны и детский надувной бассейн.

Около двух она откладывает садовые ножницы, снимает фартук и говорит родным, что малыш спит в желтой комнате. Если он проснется до ее прихода, пусть его покормят, ладно? Да, да, она не забудет на обратном пути купить хлеба, суперклея и рафию для букетов.

Приняв душ, она втискивает свой большой живот за руль машины.

Включает радио и говорит себе, что в конце концов эта передышка даже к лучшему: когда слишком много женщин собираются за одним столом, если руки у всех заняты, то уж языки-то свободны. Вот они их и распускают почем зря.

В приемной уже дожидаются своей очереди две женщины. Можно погадать, пытаясь по форме живота определить, кто на каком месяце.

Она читает какой-то древний номер «Пари-Матч», тех незапамятных времен, когда Джонни Холлидей еще был с Аделиной.

Она входит в кабинет, доктор здоровается с ней за руку: как поживаете? Спасибо, хорошо, а вы? Она кладет сумку и садится. Он набирает на компьютере ее фамилию. Все данные уже хранятся в памяти: сколько недель с последних месячных и прочее.

Потом она раздевается. Пока она взвешивается, доктор застилает кушетку бумажной простыней, потом измеряет ей давление. Сейчас он сделает быстрый «контрольный» ультразвук, чтобы проверить сердце плода. Закончив осмотр, вернется к компьютеру и что-то добавит в карту.

У гинекологов есть один излюбленный прием. Когда женщина лежит с задранными ногами, они задают ей множество самых неожиданных вопросов, чтобы она хоть на минутку забыла о своей непристойной позе.

Иногда это помогает, но чаще – нет.

Вот и теперь, он спрашивает, чувствует ли она шевеление, она начинает отвечать: «Да, чувствовала, но в последнее время реже...» – и не договаривает, потому что видит, что он ее не слушает. Он-то, конечно, уже все понял. Руки его крутят еще рычажки аппарата, но это так, для виду, он-то ведь все уже понял.

Он поворачивает картинку на экране так и этак, движения его вдруг стали резкими, а лицо как будто мгновенно постарело. Она приподнимается на локтях, она тоже уже все поняла, но спрашивает: «Что случилось?»

Он говорит ей: «Одевайтесь», – как будто ничего не слышал, и она опять спрашивает: «Что случилось?» Он отвечает: «Есть проблема, плод мертв».

Она одевается.

Когда она снова садится перед ним, ее лицо непроницаемо. Она молчит. Он барабанит по клавиатуре, набирая много чего-то непонятного, и одновременно куда-то звонит.

Потом говорит ей: «Нам с вами предстоят не самые веселые минуты».

Она не знает, как это понимать.

«Не самые веселые минуты» – что он имеет в виду? Бесконечные анализы крови, от которых у нее вся рука будет в синяках, или завтрашний ультразвук, изображения на экране, колонки цифр и анализ данных – все, что он будет делать, чтобы понять то, чего не поймет никогда. Или «не самые веселые минуты» – это роды в ночь на воскресенье в больнице «скорой помощи», с дежурным врачом, недовольным, что его «опять» разбудили?

Да, наверно, это и есть «не самые веселые минуты» – рожать в муках, без обезболивания, потому что слишком поздно. Когда так больно, что, кажется, сейчас вытошнишь свои внутренности, вместо того чтобы тужиться, как тебе велят. Когда муж, беспомощный и такой неловкий, гладит твою руку, пока из тебя не выйдет наконец эта мертвая штучковина.

Или, может быть, «не самые веселые минуты» – это лежать на следующее утро в палате родильного отделения с опустевшим животом и слышать, как за стенкой плачет младенец.

Одного она так и не поймет: почему он сказал «нам с вами предстоят не самые веселые минуты»?

Врач тем временем продолжает заполнять историю болезни и, шелкая мышью, говорит, что плод отправят на вскрытие в парижский центр чего-то-там, но она уже давно его не слушает.

Еще он говорит ей: «Меня восхищает ваше хладнокровие». Она ничего не отвечает.

На улицу она выходит через черный ход, потому что у нее не хватает духу пройти через приемную.

Она еще долго будет плакать в машине, но одно уже знает точно: свадьбу она не омрачит. Для всех ее горе может подождать два дня.

И вот суббота, и на ней то самое льняное платье с перламутровыми пуговками.

Она одела сынишку и сфотографировала его перед выходом, потому что знает, что из костюмчика маленького лорда Фаунтлероя он скоро вырастет.

По дороге в церковь они заехали в клинику, чтобы она приняла под наблюдением специалиста мерзкую таблетку, которая изгоняет любой плод, желанный или нет, все равно.

А потом она осыпала новобрачных рисом и прохаживалась по безупречно выровненному гравию аллей с бокалом шампанского в руке.

Она нахмурилась, увидев, что ее маленький лорд Фаунтлерой пьет кока-колу прямо из бутылки, проверила, в порядке ли букеты. Она обменивалась любезностями и поддерживала светский разговор, потому что так полагается вести себя гостям на свадьбе.

И тут – откуда только взялась, как из воздуха возникла – рядом оказалась прелестная молодая женщина, незнакомая ей, видимо, гостя со стороны жениха.

Все произошло совершенно неожиданно: незнакомка положила обе ладони на ее живот и сказала: «Можно?.. Говорят, это на счастье...»

И что ей, по-вашему, было делать? Конечно же, она попыталась улыбнуться.

Этот мужчина и эта женщина

Этот мужчина и эта женщина едут на иномарке. Машина стоила триста двадцать тысяч франков. Как ни странно, в автосалоне мужчина больше всего колебался из-за стоимости наклейки об уплате дорожного налога.

Жиклер барахлит. Мужчину это безмерно раздражает.

В понедельник он попросит секретаршу позвонить Саломону. На мгновение у него мелькает мысль о грудках секретарши: они такие маленькие. Он никогда не спал со своими секретаршами. Во-первых, это вульгарно, а во-вторых, в наши дни на этом можно потерять много денег. Он вообще больше не изменяет жене, с того самого дня, как они с Антуаном Сеем подсчитали, играя в гольф (ну чисто гипотетически, конечно!), во что каждому из них обошлись бы алименты.

Он и его жена едут в свой загородный дом. Это очень красивая ферма под Анже. Прекрасные пропорции.

Они купили его практически за бесценок. Но вот ремонт и переделка.

Деревянные панели во всех комнатах, камин, который сначала разобрали, а потом собрали по камешку, – он влюбился в этот камин у антиквара-англичанина с первого взгляда. На окнах – тяжелые драпировки с кистями. Суперсовременная кухня, камчатные полотенца и столешницы из серого мрамора. Ванные комнаты при каждой спальне, мебели немного, зато вся антикварная. На стенах – гравюры XIX века со сценами охоты, вот только рамы, пожалуй, чересчур золотые и слишком широкие.

Чутьочку пахнет нуворишеством, но хозяева, к счастью, этого не ощущают.

Мужчина в «костюме выходного дня»: на нем твидовые брюки и голубой кашемировый свитер с высоким воротом (подарок жены на пятидесятилетие). Ботинки от Джона Лобба – от этой марки он не откажется ни за что на свете. Носки на нем, естественно, фильдекосовые и длинные – до середины икры. Это нормально.

Он довольно лихо ведет машину, обдумывая дела. По приезде нужно будет поговорить со зрителями о доме, о хозяйстве, о подрезке буковых деревьев, о браконьерах. Как же он все это ненавидит.

Он не любит, когда его держат за идиота, а эти двое зрителей над ним просто издеваются. За работу они принимаются в пятницу утром, спустя рукава начинают лениво бродить по участку, да и то только потому, что знают: вечером приедут хозяева, и нужно изобразить вид деятельности.

Ему следовало бы вышвырнуть их вон, но сейчас у него совершенно нет на это времени.

Он устал. Ему осточертели его компаньоны, любовью с женой он практически не занимается, ветровое стекло напоминает комариновую братскую могилу, и все так же барахлит жиклер.

Женщину зовут Матильда. Она хороша собой, но на ее красивом лице читается горечь ее жизни.

Она всегда знала об изменах мужа, и ей точно известно, что теперь он хранит ей верность исключительно из-за денег.

Она с грустным видом сидит на «месте смертника» – как всегда во время их бесконечных субботне-воскресных поездок.

Она думает, что никогда не была любима, что у нее нет детей, а еще о малыше сторожихи, которого зовут Кевин, в январе ему исполнится три годика. Кевин – какое ужасное имя. Будь у нее сын, она назвала бы его Пьером – в честь своего отца. Она вспоминает, какую ужасную сцену закатил ей муж, когда она заговорила об усыновлении. Но вместе с тем она думает о том миленьком зеленом костюмчике, который заприметила несколько дней назад в витрине «Черутти».

Они слушают *Fip*. Хорошая радиостанция: классическая музыка – это надежно, а музыка разных народов всегда создает впечатление, что ты открыт всем ветрам мира, и короткие выпуски новостей – такие короткие, что чужие несчастья не успевают пробраться к тебе в салон.

Они проехали пункт оплаты за проезд. Они так и не сказали друг другу ни единого слова, а до дома еще ох как далеко.

«Опель»

Ну вот она я, иду по улице Эжен-Гонон.

Это целая программа. Заданный маршрут.

Да вы что? И правда не знаете улицу Эжен-Гонон? Бросьте, вы меня разыгрываете!

По обе стороны этой улицы стоят маленькие каменные домики, в маленьких садиках ухоженные лужайки, на окнах – навесы из кованого железа. Знаменитая улица Эжен-Гонон в Мелоне.

Ну конечно, вы знаете Мелон... Тюрьму, сыр бри, которому не помешала бы лучшая реклама, и железнодорожные аварии.

Мелон.

Шестая зона по проездному билету.

Я несколько раз в день прохожу по улице Эжен-Гонон. Четыре раза в общей сложности.

Я иду на факультет, возвращаюсь с факультета на обед, затем снова на факультет и обратно.

К концу дня я как выжатый лимон.

Ну внешне это никак не проявляется, но себя-то чего обманывать! Десять лет подряд по четыре раза на дню ходить по улице Эжен-Гонон в Мелоне, направляясь на факультет права, чтобы сдать экзамены и получить наконец специальность, которая тысячу лет никому не нужна... Гражданский кодекс, уголовный кодекс, лекции, конспекты, статьи, абзацы наизусть и бесконечный Даллоз⁴ – полный набор удовольствий! И все это ради профессии, которая заранее вызывает у меня отвращение.

Ну признайте: есть от чего дойти до ручки к концу дня.

Итак, в данный момент я в третий раз на сегодня прохожу привычным маршрутом. Я пообедала и решительным шагом возвращаюсь на юридический факультет мелонского университета... Гип-гип ура! Закуриваю. Обещаю себе: это последняя!

И сама же смеюсь: две тысячи первая последняя в этом году.

Иду вдоль маленьких белых домиков. *Вилла «Мари-Тереза», вилла «Радость моя», вилла «Тихое гнездышко»*. Весна. У меня начинается депрессия. Нет, ничего серьезного не происходит: ни крокодильих слез, ни транквилизаторов, ни отсутствия аппетита, ни желания закрыться у себя и никого не видеть.

Просто меня все достает, как это ежедневное «четырёхразовое» путешествие по улице Эжен-Гонон. Кто знает, тот поймет.

Не вижу тут никакой связи с весной...

Погоди-ка. Весна. Птички галдят на тополиных ветках с набухшими почками. Коты устраивают по ночам адские разборки, селезни обхаживают уток на берегах Сены. И еще влюбленные. Не говори мне, что ты их не замечаешь, они повсюду. Слюнявые поцелуи, джинсы, которые вот-вот лопнут в районе ширинки, шаловливые ручонки и ни одной свободной скамейки. Я от этого с ума схожу.

Шизею. Вот и все.

⁴ Даллоз – Виктор Алексис Дезире (1795–1869). Французский юрисконсульт. Создал вместе с братом Арманом издательство, опубликовавшее Справочник по французскому законодательству и общему праву.

Завидуешь? У тебя никого нет?

Я? Завидую? Мне – одиноко? Нееееет, конечно, нет, ты что, издеваешься?

(...)

Пффф, несешь невесть что. Не хватало мне только завидовать этим придуркам, задолбавшим всех своим желанием. Черт-те что.

(...)

Ну да, да, да! Я завидую! Что, не заметно? Может, тебе очки дать? А то ты не видишь, как я завидую, как дохну от зависти, как мне не хватает лююююбббви.

Не видишь, да? Ну тогда уж и не знаю, что еще тебе нужно...

Сама себе я напоминаю персонаж художника Бретешера: девушка сидит на скамейке, на шее у нее картонка, на картонке написано: «Я хочу любви!», и из глаз ее фонтаном брызжут слезы. Ну вылитая я. Всем картинкам картинка.

Нет, я уже не на улице Эжен-Гонон (у меня все-таки есть чувство собственного достоинства), я в «Прамоде».

«Прамод» несложно себе представить, они есть повсюду. Большой магазин, забитый недорогой одеждой – среднего качества, ну ладно, скажем – пристойного качества (я же не хочу, чтобы меня уволили!).

В «Прамоде» я работаю, зарабатываю деньги: это мои сигареты, мой кофе «эспрессо», мои ночные тусовки, мое дорогое белье, мой любимый «Герлен», моя косметика, книжки, походы в кино. Короче, мое все!

Я ненавижу работу в «Прамоде» – но что поделаешь? Носить дешевые тряпки, брать фильмы напрокат в видеоклубе Мелона, записываться в очередь на последнего Джима Харрисона в муниципальной библиотеке? Нет уж, лучше сдохнуть. Или работать в «Прамоде».

Да и вообще, если хорошенько подумать, то обслуживать толстушек модниц гораздо приятнее, чем задыхаться от вони горящего масла в «Макдоналдсе».

Проблема в моих коллегах. Вы скажете: ну девочка, проблема *всегда* в коллегах.

Ага, конечно, но вы наверняка не знакомы с Мэрилин Маршандиз. (Кроме шуток, управляющую центральным «Прамодом» в Мелоне *действительно* зовут Мэрилин Маршандиз⁵. Это судьба.)

Итак, ну конечно, вы ее не знаете, а между тем она самая управляющая из всех управляющих «Прамодом» во Франции. И вульгарная до ужаса.

Не знаю, как бы ее лучше описать. Дело даже не в ее внешности, хотя... ее отросшие крашенные волосы, черные у корней, мобильник, болтающийся у нее на бедре... Фу, гадость... Но, думаю, дело все-таки в ее душе.

Невозможно описать, что такое вульгарная душа.

Вы только посмотрите, как она разговаривает со своими служащими. Как с ничтожествами. У нее брезгливо оттопыривается верхняя губа – должно быть, она считает нас жалкими личностями, абсссолютными кретинками. Ко мне она относится хуже всего. Я – интеллектуалка. Из тех, что делают меньше орфографических ошибок, чем она сама, а это доводит ее до иступления.

«Магазин будет закрыть с 1 по 15 августа».

⁵ Игра слов: по-французски *marchandise* – товар.

Погоди, дорогая... тут у нас проблема.

Тебя что, никогда не учили спрягать глаголы?

Не знаешь, как проверять? Так вспомни! Ну? Видишь, ничего сложного! Разве не здорово?

Ух ты, как она на меня смотрит! Ага, переписывает объявление:

«ЗАКРЫТИЕ! С 1 по 15 августа».

Я ликую.

Говоря со мной, она удерживает верхнюю губу на месте, но это ей дорого дается.

Заметьте, я трачу силы не только на то, чтобы дрессировать нашу управляющую, – я вообще много чего умею.

Дайте мне любую клиентку – я одену ее с головы до ног. Плюс аксессуары. Почему? Да потому, что я на них смотрю. Прежде чем советовать, я смотрю на клиентку. Я вообще люблю смотреть на людей. Особенно на женщин.

Даже в самой заурядной всегда что-то есть. По крайней мере одно есть точно – желание быть красивой.

«Марианна, что я вижу? Летние боди все еще на складе, может, ты наконец этим займешься!...»

Я все должна им говорить, черт знает что такое...

Иду, иду. Куда я денусь!

Я хочу любви.

Субботний вечер, Saturday night fever.

«Милтон» – это ковбойский салун Мелона, я пришла с подружками.

Слава богу, что они здесь. Они хорошенькие, смешливые, любят повеселиться от души и знают, чего хотят.

Я слышу, как на парковке скрипят шины, негромко урчат «харлеи» и шелкает зажигалка «Зиппо». Нам подали приторно-сладкий коктейль от заведения: явно сэкономили на шампанском, восполнив его гренадином, видно, считая, что девушки любят гренадин. Я спрашиваю себя: «Что, черт побери, ты здесь делаешь?!» У меня тоска. Состояние тревожности, говоря научным языком. Глаза щиплет. Хорошо, что я ношу линзы, да и на дым свалить можно.

– Привет, Марианна, ты как? – спрашивает меня киска, с которой мы учились в старших классах.

– Привет!.. – *чмок-чмок-чмок-чмок...* – Хорошо. Рада тебя видеть, давно мы не встречались... Что подельвала?

– А тебе не сказали? Я ездила в *Штаты*, постой, ты не поверишь, это был полный отпад. Лос-Анджелес, дом – просто сказка: бассейн, джакузи, вид на океан. Умереть не встать, и хозяева такие милые, совсем не похожи на надутых америкосов. Нееет, это был просто улет!

Она встряхивает своей калифорнийской прической, показывая, *насколько* ей всего этого не хватает.

– Видела Джорджа Клуни?

– Кого?.. Ты к чему это?

– Да просто так. Подумала, может, ты еще и с Джорджем там встречалась, вот и все.

– У тебя какие-то проблемы, – заключает она и отправляется вешать лапшу на уши поразвесистее, – мечтательница, работавшая на америкосов за еду и жилье.

Глядите-ка, кто к нам идет... Ну вылитый Буффало Билл.

Тощий молодой человек с выступающим кадыком и маленькой любовно ухоженной бородкой – ну просто чудо как хорош! – приближается к моим сиськам и пытается вступить с ними в контакт.

Он: Мы уже встречались?

Мои сиськи:...

Он: Ну конечно! Я вспомнил, ты была в «Гараже» на Хэллоуин?

Мои сиськи:...

Он не сдается: Ты француженка? Do you understand me?

Мои сиськи:...

Буффало рывком поднимает голову. Оказывается, у него и лицо есть.

Он жестом театрального отчаяния скребет бородку и погружается в глубочайшую задумчивость.

– *From where are you from?*

Уйййяя, Буффало! Да ты *спикаешь* на ихнем языке!

– Я из Мелона, живу на Вокзальной площади в доме четыре и хочу сразу тебя предупредить: у меня нет стереосистемы на балконе.

Хррр, пшшш... Он снова чешет бороду.

Я должна сейчас же отсюда убраться, совсем ничего не вижу, черт, эти блядские линзы совсем меня доконали.

А ты еще и грубиянка, птичка моя.

Я стою перед «Милтоном», мне холодно, я плачу как ребенок, я мечтаю оказаться неважно где, только не здесь, я спрашиваю себя, как мне возвращаться домой, я смотрю на небо, ищу звезды, но даже их нет. И вот я уже рыдаю взахлеб.

В подобных случаях, когда ситуация становится совсем уж отчаянной, самое умное, что я могу сделать... это... позвонить сестре.

Биип-бииииипп-дзз.

– Да... (*Голос сонный...*)

– Алло, это Марианна.

– Который час? Ты где? (*Раздражение в голосе.*)

– Я в «Милтоне», ты можешь меня забрать?

– Что происходит? Что с тобой? (*Тревога в голосе.*)

Я повторяю:

– Можешь за мной приехать?

Кто-то мигает фарами на другом конце стоянки.

– Давай, садись, старушка, – командует сестра.

– Ты приехала в бабушкиной ночной рубашке!!!

– Заметь, я старалась прибыть как можно скорее!

– Ты заявила в «Милтон» в прозрачной ночной рубашке в стиле ретро! – Я помираю со смеху.

– Во-первых, я не собираюсь выходить из машины, во-вторых, она не прозрачная, а ажурная, тебе в «Прамоде» разве не объясняли разницу?

– А если у тебя кончится бензин? Не говоря уж о том, что тут и так найдется немало старых охотников до тебя.

– Покажи... где, кто? (*Интерес в голосе.*)
– Смотри, вот там, это случайно не «господин Тефаль»?..
– Подвинься ... Смотри-ка, ты права... Боже, какой урод, он стал еще страшнее. И на чем он теперь ездит?
– Это «опель».
– Ну да, конечно, видела на заднем стекле наклейку «*The Opel touch*»?..
Она смотрит на меня, и мы ржем как сумасшедшие:
1) над старыми добрыми временами,
2) над «господином Тефалем» – который больше всего боялся к кому-нибудь «прикипеть»,
3) над дурацким «опелем», который его олицетворяет,
4) над его рулем в мохнатом чехле,
5) над его черной кожаной курткой, которую он надевает только по выходным, и над безупречно отпаренной складкой на джинсах Levis-501, которые усердно ему наглаживает мамочка.
Нам хорошо.

Сестрица на своей дорогой машине лихо выруливает с парковки, слышен визг колес, на нас оборачиваются, она говорит мне:

– Жожо меня растерзает, когда увидит покрывашки...

Сестра смеется.

Я вынимаю линзы и откидываю спинку сиденья.

Мы входим на цыпочках, потому что Жожо и дети спят.

Сестра наливает мне джин-тоник, но без «швепса» и спрашивает:

– Что не так?

И я рассказываю. Ни на что не рассчитывая, потому что психолог из моей сестры – никакой.

Я говорю ей, что мое сердце похоже на большой пустой мешок, огромный мешок, куда можно было бы запихнуть целый караван-сарай, но он пуст.

Я употребляю слово «мешок» сознательно – я имею в виду не жалкие пакеты из супермаркета, которые то и дело рвутся. Мой мешок... ну тот мешок, который я себе представляю... он огромный, квадратный, в сине-белую полоску... похожий на те, что носят на голове большие мамки-негритянки на Барбадосе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.